

Расшифровка

Пленарная дискуссионная панель II. «Будущее России: новая индустриализация или сырьевая модель?»

Диктор:

- **Константин Бабкин**, президент Промышленного союза «Новое Содружество».
- **Сергей Юрьевич Глазьев**, советник Президента Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, академик Российской Академии Наук.
- **Жорес Иванович Алферов**, академик, лауреат Нобелевской премии, вице-президент Российской Академии Наук.
- **Андрей Николаевич Клепач**, заместитель Министра экономического развития Российской Федерации.
- **Александр Евгеньевич Лебедев**, председатель Совета директоров ЗАО «Национальная резервная корпорация».
- **Дмитрий Степанович Стрежнев**, генеральный директор ОАО «Минерально-химическая компания «Еврохим».
- **Василий Александрович Мельниченко**, председатель Политического совета регионального общественного движения «Крестьянский фронт», директор сельхозпредприятия «Галкинское».

Константин Анатольевич Бабкин, *президент промышленного союза «Новое Содружество»:*

– Фотография была **Ивана Валентиновича Старикова**. Он бывший заместитель Министра экономики Российской Федерации и бывший председатель колхоза.

Также у нас присутствует на сцене господин **Панг Сан Йонг**. Он вице-президент Центра международной кооперации Международного департамента Центрального комитета Коммунистической партии Китая.

У нас состоялась очень интересная, очень содержательная панельная дискуссия, где мы слышали обсуждение тех проблем, которые накопились в мире, вообще кризиса и либерального фундаментализма в глобальном масштабе. Я надеюсь, что эта дискуссия перейдет на другой уровень, более практический и несколько более, если можно сказать, приземленный, что ли.

Панель нашей дискуссии называется «**Сырьевая зависимость и новая индустриализация для России**». Регламента предлагаю придерживаться того же, что и на предыдущей панели (8 минут каждому выступающему). После седьмой минуты дается один звоночек, после восьмой – два звоночка. Выскажемся все по одному разу, и потом будет дискуссия.

Я уже сказал во вступлении, что для меня, когда я выступал одним из инициаторов организации нашего форума, главная проблема, главный вызов состоит в том, что в стране наблюдается деиндустриализация, сокращение объемов производства в промышленности и сельском хозяйстве.

В сельском хозяйстве мы выпускаем продукции на 30% меньше, чем выпускали в 1990-м году. Хотя еще в то время состояние сельского хозяйства вызывало критику. Сегодня все у нас гораздо печальнее.

Я считаю, что человек, который не созидает, не создает продукт, ему сложно оправдывать свое существование в мире. Это, конечно, не к отдельному человеку, а к нации.

Эта деиндустриализация грозит, с моей точки зрения, большими проблемами для нашей страны в будущем. Это и невостребованность образования, невостребованность просто людей, сокращение количества рабочих мест. Меня это все сильно беспокоит.

Очень бы хотелось услышать мнение уважаемых участников дискуссии. Здесь присутствует большая часть людей практического, людей, которые занимаются на производстве. Но важны, конечно, для нас и представители Правительства и ученые.

Первым слово я хотел бы предоставить Сергею Юрьевичу Глазьеву, советнику Президента Российской Федерации, который отвечает за написание сейчас новой стратегии развития страны. Пожалуйста, Сергей Юрьевич.

(Аплодисменты).

Сергей Юрьевич Глазьев, советник Президента Российской Федерации:

– Спасибо. Сразу оговорюсь, что у меня нет такого поручения касательно новой стратегии развития страны. Мы вместе с коллегами из Академии Наук готовили, действительно, ряд предложений. Но что касается общей стратегии развития, то она как раз и содержится в вопросе, который сформулирован в качестве заглавия нашей сегодняшней дискуссии (новая индустриализация и сырьевая модель).

Надо сказать, что этот вопрос политически решен. Наше руководство страны (и Президент, и премьер) однозначно и многократно говорило о том, что нам нужна новая индустриализация, нам нужен переход на инновационный путь развития. Вариант сырьевой модели у нас не рассматривается вообще на уровне руководства страны.

Тем не менее, жизнь идет, как говорится, своим путем. Если анализировать тенденции последних лет, приходится констатировать, что в отличие от других стран G20, мы за последние три года (даже четыре) за работу в таких кризисных условиях пока не совершили прорыва к этой самой новой индустриализации и переходу на инновационное развитие. Хотя были потрачены триллионы рублей на антикризисные меры.

В отличие от других стран, львиная доля антикризисных денег ушла просто на поддержку банков и не дошла до реального сектора. Они были в основном банками употреблены на спекуляции против собственной валюты с выгодой для себя. В других же странах более 80% антикризисных денег были направлены на поддержку инноваций, на освоение новых технологий и, в первую очередь, повышение энергоэффективности.

Для того, чтобы понять, как нам переходить все-таки к индустриализации новой, что означает на новой технологической базе, очень важно понимать, каковы те закономерности современных технологических изменений, которые мы должны использовать, на которые должны опираться.

За фасадом глобального финансового кризиса внимание привлекается обычно к динамике показателей фондового рынка, к разного рода финансовым пузырям, финансовым катастрофам. В действительности за этой бурлящей(?) поверхностью сегодня идет быстрое становление нового технологического уклада.

Комплекс производств, составляющих ядро этого технологического уклада, связанных с нано-, с био-, информационно-коммуникационными и другими технологиями, растет с темпом 35% в год. Нет никаких сомнений, что через несколько лет этот уклад сформируется как ядро современной экономики, и мир таким образом будет выходить из глобального кризиса за счет роста групп этих новых производств.

У нас пока еще есть возможность вскочить на подножку этого уходящего поезда начинающейся новой длинной волны экономического развития, освоить для себя ниши перспективные в этом новом технологическом укладе и таким образом выйти на траекторию **отряжающего(?)** развития, не забывая, конечно, модернизацию всех других отраслей тоже.

Надо полагать, что у нас альтернативе остаться в сырьевой модели, как нынешней державы с соответствующим уровнем жизни, сейчас места в мире, на самом деле, нет. Переход к новому технологическому укладу означает и падение спроса на сырье, снижение цен на сырье.

Это связано с кардинальным повышением эффективности. Прежде всего, энергоэффективности, которая в производствах нового уклада на порядок выше, чем в традиционных направлениях. Поэтому дальше оставаться в теплом болоте сырьевой трясины, где мы можем закрывать пока все дыры за счет нефтедолларов – долго оставаться не получится.

Скатывание в сырьевую модель будет означать не только падение темпов роста. Она будет означать деградацию вслед за промышленностью и социальной инфраструктуры, и падение уровня жизни, и все остальные неприятные последствия.

В эти периоды структурной перестройки объективно колоссальным образом вырастает роль государства. Это связано с тем, что рыночные механизмы оказываются в состоянии турбулентности, рынок теряет долгосрочные ориентиры.

Инвесторы не могут дальше вкладывать деньги в традиционные направления, которые теряют прибыльность. Деньги накапливаются в финансовом секторе. Это создает благоприятную почву для роста финансовых пирамид.

Одновременно с этим требуются гигантские инвестиции для перехода на новые технологические траектории. Формирование этих новых технологических траекторий требует максимально внимательного участия государства с точки зрения стратегического планирования, с точки зрения организации долгосрочных инвестиций, с точки зрения предоставления кредитных ресурсов для поддержки инновационной активности и вообще для развития производства.

Традиционно так получалось последние сто лет, что государство, в основном, все эти функции осуществляло под флагом милитаризации. Это, кстати, любопытное средство либеральной модели в умах многих западных органов власти, когда вмешательство государства разрешается только в целях войны, безопасности и прочее.

Возможно, нам милитаризации удастся в этот раз избежать, потому что новый технологический уклад все-таки в основном сориентирован на гуманитарные сферы (здравоохранение, образование и науку, которая становится самым крупным потребителем новых технологий).

Рассчитывать на то, что мы сможем локально эту задачу решить, решая те или иные отдельные проблемы модернизации небольшой группы наших отраслей военно-промышленного комплекса, тоже не приходится. Нам нужна модернизация всей экономики, нам нужен выход на новую эффективность и новый уровень конкурентоспособности.

Для этого нужны соответствующие механизмы. Эти механизмы сегодня обсуждаются. Это изменение денежно-кредитной политики, переход на внутренние источники кредитования экономики, **ориентирование(?)** на спрос на деньги со стороны производственных предприятий.

Расширение рефинансирования коммерческих банков с привлечением долгосрочных инструментов и под обязательства производственных предприятий с тем, чтобы банки гонялись за предприятиями, а не наоборот. Выдавая кредит предприятию, только потом они получают возможность получить рефинансирование.

Изменение налогово-бюджетной системы, **ориентирование на поддержку(?)** инновационной активности и стимулирование государственно-частного партнерства в инвестициях, прежде всего, в инфраструктуру и в новые технологии.

Я думаю, что в этих условиях какая-то непозволительная роскошь держать гигантские деньги в резервах вместо того, чтобы вкладывать в развитие производства, в развитие инфраструктуры. Поэтому такие вещи как бюджетное правило и другие инструменты изъятия денег из экономики – это для другой жизни, для другого периода. Это не то, что необходимо сегодня в рамках такого структурного кризиса для преодоления структурных диспропорций.

Последнее, о чем я хочу сказать. Спор сегодня при выборе направления экономической политики проходит не между сторонниками либеральной модели и сторонниками государственного регулирования. На самом деле, спор ведется между людьми здравомыслящими (теми, кто понимает закономерности экономического развития) и такими «квазирелигиозными фанатиками», которые свято верят в то, что на рынке существует механизм свободной конкуренции. Что на рынке может быть достигнуто равновесие. Что государству нужно только поддерживать это равновесие, не замечая ни научно-технический прогресс, ни монополизацию, ни гигантскую роль посредников сегодня в нашей экономике, которые вздувают цену.

Демистификация, демифологизация экономической политики – я считаю, важнейшая задача. В том числе нашего экономического Форума, который, как я думаю, как раз и есть Форум здравомыслящих экономистов.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Следующим я хотел бы предоставить слово **Александру Евгеньевичу Лебедеву**. Я с ним познакомился 10 лет назад. Вам этого человека представлять не надо.

Познакомились мы по такому поводу, что компания «Новое содружество» (где я – один из руководителей) занималась производством гражданских самолетов. Александр Евгеньевич тогда налаживал систему лизинга гражданских самолетов российского производства – семейства ТУ-204.

Недавно прошла новость, что Александр Евгеньевич хочет продать компанию “Red Wings” – большую компанию, которая перевозит огромное количество пассажиров на самолетах российского производства. Он готов продать эту компанию за один доллар, если не ошибаюсь. А мы не производим уже самолеты! Налицо деиндустриализация: Россия постепенно уходит с рынка гражданских самолетов.

Пожалуйста, Александр Евгеньевич. Вам слово.

Александр Евгеньевич Лебедев, председатель Совета директоров ЗАО «Национальная Резервная Корпорация»:

– Спасибо. Я потрачу ваши восемь минут, в основном, на вопросы, исходя из той практики, которая выпала на мою долю за последние 10 лет.

Коль скоро начали с авиапрома, я поясню. Как обычно – то, что вы прочитаете в СМИ, на самом деле все с точностью до наоборот.

Я предложил за 1 рубль передать часть пакета в государственную организацию «**Илюшин Финанс и К^о**» (где я тоже акционер, когда-то я ее создал, это авиализинговая компания) – с целью разделить ответственность за “Red Wings”.

Мы надеемся, что до следующей недели переговоры с Правительством завершатся. Если «**Ильюшин Финанс**» станет акционером, и я перестану быть контрольным акционером, то мне будет понятнее, как разговаривать с Правительством.

В Правительстве один блок занимается производством российской авиационной техники, отлично понимая, что если на ней никто не летает, то производить ее смысла никакого не имеет. Другой блок является надзорным. Он перепугался катастрофы. Я его прекрасно понимаю. Хотя до сих пор непонятны причины: новый самолет, опытные пилоты. Дождемся выводов МАК.

Катастрофы случаются. С машиной ТУ-234 это вторая катастрофа вообще за всю историю эксплуатации этой машины.

Если мы договоримся – наверное, блок Правительства, который заинтересован... Я абсолютно верю, что Кремль и Белый дом хотят производить российскую среднемагистральную технику. Они понимают, что якорный заказчик здесь нужен. Только мы выстроили компетенцию за 6 лет: мы в состоянии летать на регулярных маршрутах и конкурировать по летной годности и по налету часов с “Boeing” и “Airbus”.

Если договоримся, тогда мне будет понятнее, что хочет Правительство.

В принципе, это неплохой вопрос: почему мы теряем авиапром, и почему российские авиакомпании не эксплуатируют российскую технику.

Потому что они уже перешли на Boeing” и “Airbus”. Кредитуясь в государственных банках, по существу задействуют модель финансирования западного авиапрома. Я недавно в «Ведомостях» это, на мой взгляд, так просто изложил.

Дело в том, что лизинговые платежи в бюджете любой авиационной компании – это наряду с керосином основная статья расходов. Поверьте мне, мы ежегодно выплачиваем за те полторы, две сотни западных бортов, которые арендуем (берем в лизинг), наверное, пару миллиардов долларов западным авиализинговым компаниям.

Конечно, эту систему надо менять. Я с радостью прочитал в одной из газет, что в РАО «РЖД» недавно закончены исследования по поводу дальних маршрутов, которые являются нерентабельными.

РАО «РЖД» даже готово поставить перед Правительством вопрос о том, чтобы на маршрутах от 2-х до 4-х километров, скорее, дотировать надо авиаперевозки. Тем более что речь идет о дотации смешной: ну, может быть, до миллиарда рублей.

Соответственно, если российская техника будет пользоваться преимуществами при использовании этой дотации, думаю поднять “Red Wings” и, в конечном счете, выстроить комплекс заказов на самолет ТУ-234СМ, который за очень большие деньги сертифицирован практически российским Правительством и российской отраслью.

Вот, собственно, с такими сложностями мы сталкиваемся.

Но напомним вам, что вопросы регулирования (то есть государства как арбитра и игрока) являются крайне важными, чтобы те полторы сотни заводов, которые производят до сих пор самолеты ТУ-234 и ТУ-234СМ, включая двигатели, имели заказчика.

Теперь я вернусь на секунду к названию панели: «Сырьевая зависимость».

Знаете, у меня есть неплохой опыт практики в сырьевой отрасли. Я был и до сих пор даже являюсь мажоритарным акционером в ряде нефтяных компаний. Я до сих пор большой акционер «Газпрома». Я вам должен сказать, что удивлен. Индустриализация и модернизация нужна и сырьевой отрасли Российской Федерации. Ничего плохого не будет, если она у нас будет такая же, как в Норвегии.

В этом смысле не являются взаимоисключающими промышленность современная и сырьевые отрасли, где тоже задействованы мощнейшие промышленные решения – должны быть.

Например, у нас до сих пор в Печорской провинции нефть с неглубоким залеганием, где нет давления в пластах, практически не добывается.

подавляющее большинство наших мейджоров [\major\](#), то есть основных нефтяных компаний, даже не знают, как это делается в Канаде и США за счет небольших насосов. Они считают, что это неэффективно. Они привыкли бурить на 1,5 – 3 километра.

Я вам скажу, что все равно придется приходить к новым технологиям. Придется либо импортировать эти технологии, как, например, канадские моторы “Kudu”, либо самим это создавать.

Аналогичная система, когда наши государственные корпорации, как собака на сене, ведут себя на шельфе. Вместо того чтобы развивать курорты Кавказа (а мы все читаем об открытиях Прокуратуры, Следственного комитета и Счетной палаты по поводу курортов Кавказа), почему не добывать нефть на шельфе Дагестана? А потому что не пускают частный сектор.

Есть известный случай с крупными шведскими инвесторами Лундин [[“Lundin Petroleum”](#)], которые пробурили за свои деньги, открыли нефть, но российская государственная механика контроля не разрешает им добывать нефть на шельфе Дагестана. И не по экологическим соображениям, поверьте мне! А потому что «Роснефть» и «Газпром» считают, что только они...

Ну, слушайте, это на самом деле полное отрицание какой-либо эффективности и присутствия частного сектора в российской экономике.

Теперь два слова о попытках государственной политики в области индустриализации и инноваций. Если сегодня посмотрите газеты: видимо, все-таки уговорили «Внешэкономбанк» перекредитовать «Ренова» и **РОСНАНО** по известному проекту производства солнечных батарей.

Был построен крупный завод. Он должен был войти в эксплуатацию еще в 2010-м году. Вдруг выяснилось (раньше нельзя было выяснить), что себестоимость солнечных батарей как конечного производства из-за китайцев упала в 5 раз – поэтому никакой рентабельности там нет.

Ну, слушайте, если мы не научимся на правительственном уровне принимать квалифицированные решения, то никакие госкорпорации нас не спасут.

На мой взгляд, следовало бы, конечно, подвергнуть ревизии целый ряд проектов, которые были реализованы на средства РОСНАНО в области первичного производства кремния и окончательного производства солнечных батарей.

Насколько я понимаю, затраты на это превысили примерно полтора миллиарда долларов и были успешно переложены через 5 лет, когда выяснилось, что сделать это невозможно, на российские государственные банки.

Вообще государственные банки России не должны быть, грубо говоря, таким «мусорным бачком», куда сваливается еще на 10 – 15 лет все то, что, как выяснилось, сделать нельзя.

Ну, и я поделюсь своим опытом в сельском хозяйстве.

Принято считать, что это какая-то вообще вторичная или третичная отрасль. На самом деле переработка сельхозпродукции сегодня в мире является одним из сложнейших технологических промышленных процессов.

Например, одно дело производить сырой картофель, а другое дело производить картофельные хлопья.

Построить такой завод в Российской Федерации, преодолевая колоссальное сопротивление российской бюрократии, поверьте мне, участь такая незавидная до тех пор, пока государство не станет справедливым и честным регулятором, и не уйдет из функций собственника...

Кроме того, **менять строй и** политические институты – не хотелось мне этого говорить, но, поверьте мне, без политических институтов, парламента, выборов, независимых СМИ и независимой судебной системы, которая защищает права собственности, мы все равно не получим искомого результата. А все время будем наталкиваться на то, с чем, наконец, российское государство, по-моему, начало серьезную борьбу. Я имею в виду, конечно же, коррупцию и, в общем-то, произвол со стороны различных государственных ведомств.

Только в рамках борьбы политических институтов, которые соперничают, можно будет положить этому конец.

Извините, что я больше задал вопросов, чем дал ответов. Но у нас на то и конференция, где много ученых, чтобы получить ответы на правильно поставленные вопросы.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Генеральный директор компании «Еврохим» **Дмитрий Степанович Стрежнев.** Пожалуйста.

Дмитрий Степанович Стрежнев, *генеральный директор МХК «Еврохим»:*

– Разрешите вас поприветствовать. Мне приятно здесь быть, потому что я сам учился в Университете и школе при Университете. Окончил физический факультет. Наверное, обязан Университету своей жизненной карьерой. *(Краткие аплодисменты).* Спасибо Университету! Да.

Если говорить о настоящей и предыдущей теме панели, наверное, с точки зрения естественного образования это выглядит как спор: «что лучше – квадратное или синее». Что такое «государственный человек» и «либерал»: лучше или хуже.

Бывают государственные люди, которые плохо работают. Бывают либералы, которые плохо работают. У нас обычно все заканчивается на дискуссии (это первая проблема) каких-то принципиальных утверждений. Никто не говорит ни о качестве, ни об ответственности.

Вторая история (тоже комментируя предыдущую панель).

За предыдущие 10 лет что произошло в стране: что было сделано властями и что, в принципе, 10 лет позволяло стране успешно думать, что мы двигаемся вперед.

Власти заставили всех платить налоги. Стали брать налоги с сырьевого бизнеса. Раз, два. Восстановили какую-то управляемость. У нас появилась власть, которая может за что-то спросить. И на базе растущих цен – у всех жителей страны каждый год росла зарплата на 10% – 15% , и это было базой для чего-то позитивного.

Что случилось за последние два года.

База роста под названием «растут цены на все» исчерпала себя. На сегодня перед всеми нами стоит масса проблем. С моей точки зрения, пытаются решать не причину этих проблем, а следствие.

Например.

У нас в стране абсолютно ненормальная кредитно-денежная политика. У нас деньги стоят 12% – 15% годовых. Я работаю в компании, которая работает в мире – мы занимаем не дороже 3%.

Соответственно, государство со всех собирает налоги, чтобы было, например, не 3% годовых, а 8%, и 5% из этих налогов отдает.

Например, сидит здесь колхозник. У него деньги стоят 12% годовых, в Германии 3%. Ему дают 5%, он платит 8%. Говорят, что это счастье. Но он платит на 5% больше, чем в Германии.

Вместо того чтобы сделать нормальный денежный рынок, у нас существенная часть бюджета – оплата глупости.

Вторая история.

У нас есть какие-то национальные преимущества и недостатки. Всем должно быть понятно, какие в стране проблемы есть. В принципе, это понятно на «уровне ребенка» – действия абсолютно дурацкие. Например, наша страна большая: у нас есть границы с Китаем, с Европой.

В нашей стране много ресурсов. У нас, в принципе, богатая страна – и землей, и водой, и всем подряд.

Что нам надо делать? Использовать эти преимущества.

Какие у нас проблемы? У нас есть большие расстояния, холодные температуры.

Отлично. Что наше государство делает.

Наше государство делает дорогую энергию, чтобы мы на зиме платили в разы больше, чем немцы, американцы. У нас дорогой транспорт, у нас дорогие налоги. Мы должны с этим как-то быть. Рассказывать, что мы теперь с ценой на свет и энергию дороже, чем в Америке, и с температурой на 20% ниже должны где-то там бегать и конкурировать.

Так как это становится невозможным для большого количества людей... Знайте, что вы платите за свет больше, чем богатые люди в Нью-Йорке в данный момент. И поговорить не с кем, и реформа либеральная еще не закончилась. Еще спорят – но со светом уже все плохо. Хотя газ вроде пока не очень подорожал.

Вместо того чтобы решить эти фундаментальные проблемы и говорить об использовании наших преимуществ, и просто сказать «повезло, у нас есть дешевый газ – давайте сделаем, чтобы был дешевый газ, давайте построим дороги, давайте сохраним какие-то институты с образованием», у нас что делают? У нас из бюджета дотируют ненормальность. Это выдается под видом какой-то озабоченности. Наверное, коллеги тоже могут **сократиться**. Они тоже берут деньги дороже, чем все нормальные люди. Им надо помогать из бюджета. Это вторая история.

Третья история.

На почве, когда это все дошло до граждан, у нас крайне растет недовольство тем, что при зарплате в два раза больше у людей из карманов изымают тоже в два раза больше. В принципе, остается не очень много денег.

Тут применяется третья наша история. Для целей сохранения так называемой политической стабильности что делают наши люди? Наши люди порождают тунеядство и иждивенчество.

Например, я не понимаю, как у нас платят пенсии. Я не понимаю, как у нас оплачивают медицинское обслуживание. Я понимаю, что налоги на это растут – и поговорить не с кем.

Все понимают, что нет бесплатного образования, но у нас оно есть бесплатное. Спасибо, университет еще работает.

Это все состоит из двух частей. С одной стороны, у нас налоги, которые дерут с крупных компаний, которые могли бы что-то делать, тратятся на **(неразборчиво, 02:09)**. С другой стороны, у нас порождается на персональном уровне иждивение.

Что такое российская мечта? Пойти работать чиновником. Пойти в то место, где есть ресурсы, которые распределяются. Вот это есть наша мечта.

Наверное, это показывает качество образования. У нас инженеров уже не найти – это беда! Но все хотят быть чиновниками, экономистами, юристами. Все, что угодно – кроме того, чтобы работать. Лишь бы к чему-то пристроиться.

Третья история. Так как все чувствуют, что история пухнет... Мы боремся со следствием: мы задабриваем людей, порождаем иждивение. На политическом уровне выглядит это так.

Например, мы – крупное градообразующее предприятие. Мы платим много налогов. Город в Тульской области – Новомосковск. Там три предприятия. Каждое по миллиарду долларов имеет оборот. В этом городе треть канализации течет на улицу, четыре часа в день нет воды. Это 60% промышленности Тульской области, XXI век! Москва еще хорошо живет.

Поговорить не с кем. Мы не имеем отношения – ни работники, ни предприятие – к бюджету, в котором вроде должны были быть деньги, если бы он находился в Литве, Америке, Швеции, не знаю где.

Грубо говоря, мы не преодолели... Мы там: «рынок, «рынок», «либералы». Мы не ушли от той самой советской власти, с которой все боролись **(неразборчиво, 03:25)**.

Что такое капитализм. Дайте мне условия – я заработаю и отдам свое и буду жить на оставшиеся нормально. Это поощряется.

Что мы делаем? Со всех содрать и «честно» поделить в Москве. Клянусь вам, что так как у нас уже скопилось столько всего, и все развалено, это добром не кончится. Надо срочно базовые вещи менять.

Наверное, еще раз могу сказать, что никакого отношения... Борьба со следствием не решается решением причин.

Наверное, социально какой может быть российский консенсус. Мы понимаем, что наша страна имеет много возможностей. Давайте их всей страной (и бизнес, и государство) будем реализовывать.

Второй вопрос. Что такое рынок. Рынок – это когда ты можешь себе заработать, и государство это поддержит. Оно борется не с теми, кто работает. Оно создает условия, чтобы работать. Всем, кто почему-то в этом рынке (это тоже следствие рынка) не может иметь нормальные доходы, обеспечивает минимальный уровень жизни.

Но это не должно быть как в Европе, где сидеть на пособии в два раза лучше, чем работать таксистом. Вчера был в Германии: представляете, сидишь, ничего не делаешь – в полтора раза больше денег, чем работать в такси восемь часов в день.

Упаси Господь нас увеличивать социальное расползание без поощрения тех, кто работает. Это происходит. Это большая катастрофа.

Третий вопрос. Кризис за границей. Наша страна не имеет долгов. Мы можем простыми вещами много чего сделать. Шансы для того, чтобы наша страна получила много возможностей.

Например. Если бы сделали то, о чем говорят промышленники – сделайте у нас нормальные цены не на что-то, а на все первичные ресурсы, металлы. Сделайте рынок зерна публичный. Сделайте нормальные налоги. Сделайте нормальные процентные ставки. И сюда приедет треть европейской промышленности.

В Европе налоги 52%. Бюрократия не хуже. Реально в той же Швеции происходит социально следующая история: выгодно продать бизнес и пойти в **пробный бизнес-банк**. Идти к самому себе на работу, дожить до пенсии и уехать в Испанию.

Это катастрофа социальная, когда иждивение наступает, в том числе в Европе: социальное государство сожрет-таки Европу, и она проиграет в соревновании с Америкой. Например, такие страны промышленные как Германия и Швейцария в целом не смогут с этим ничего сделать. Это может нас коснуться.

Что надо делать. Не надо бороться ни с бизнесом, ничего. Надо бороться с иждивением, надо бороться с причинами.

Вопрос: тратить силы и здоровье на глупости – выяснять, что лучше квадратное или синее – прекратить. Не так много надо для здравого смысла и для развития нашей страны, чтобы мы шансы и возможности, которые есть, получили.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Спасибо Дмитрию Степановичу. Следующим я хочу предоставить слово **Андрею Николаевичу Клепачу**, первому заместителю Министра экономического развития Российской Федерации.

Андрей Николаевич Клепач, первый заместитель Министра экономического развития Российской Федерации:

– Спасибо.

Тут просто говорили коллеги... Начинаю вспоминать **Петра Аркадьевича Столыпина**, который в свое время говорил: «Что бы ни происходило в России – газовый фонарь не работает, водопровод не так течет – все равно виновато государство». Высшее. То же самое наоборот: если все это сделаешь, и для этого соберешь налоги и уволишь нерадивых, то тоже будет виновато государство.

Но я в данном случае предлагаю не искать виноватых, а просто выделить коротко несколько проблем.

Если говорить о реиндустриализации. Правительство и Президент заявили, что это один из самых ключевых приоритетов экономической политики. На самом деле, прежде чем смотреть, чего нет, надо посмотреть, что есть.

Если посмотреть на цифры и на факты, то у нас после кризиса, в отличие от Европы и США, 2010 – 2012-й год промышленность (причем если мы возьмем машиностроение) растет по 10 с лишним процентов в год. Это касается автопрома, это касается приборостроения, авионики и самолетостроения.

Правда, в авиации рост, действительно, идет за счет оборонной техники и за счет вертолетов. Гражданских самолетов мы делаем всего по 5 – 6 штук в год. Но дальше уже в этом году должны быть **большие** объемы.

Проблем здесь много. ТУ-204 и 204СМ, который сейчас прошел испытания, пока реально будет пользоваться спросом, скорее всего, только у силовых ведомств. Коммерческие перспективы неясны.

SSJ \Sukhoi Superjet который запустили, и который идет на рынок, тоже испытывает кучу «детских болезней». Потребуется еще несколько лет, чтобы их вылечить и встать на крыло машине. Но, так или иначе, это определенные изменения: мы впервые стали делать новые самолеты. Продать их толком еще не можем и отладить так, чтобы они были конкурентоспособными, но это делается.

Сельское хозяйство, которое не вышло, действительно, по своим общим объемам на уровень 1990-го года, но там сейчас так или иначе сформировался достаточно конкурентоспособный сектор. И по зерну (потому что мы его экспортируем по 15 – 20 миллионов тонн), и в части животноводства. Это современные комплексы и по мясному направлению, и по птице. Если посмотреть на цифры, то у нас в последние годы рост птицы и свинины был от 8% до 11% в год.

В этом плане это и результат действий бизнеса, и результат действий Правительства, потому что все эти проекты, включая процентные ставки по кредитам, субсидируются на 80%, а по молочному направлению – на 100%.

Есть куча проблем. Да, ставки у нас дорогие. Но надо посмотреть, что делается, и какие проблемы здесь возникают. В данном случае есть определенные усилия, которые идут для поддержки процесса реиндустриализации.

Момент, связанный с тем, что у нас все дорогое. Может, **Дмитрий Сергеевич**, правильнее начать с удобрений, которые у нас экспортируются на 80 с лишним процентов и там идут по мировым ценам. Каждый год действует соглашение, чтобы уговорить наш бизнес продавать эти удобрения со скидкой в обмен на то, что мы не повышаем налоги нашим сельхозпроизводителям, и еще субсидировать их.

При этом уровень эффективности промышленности удобрений минимален. Самые минимальные инвестиции по сравнению с металлургами, химиками и другими.

Я о чем говорю. Ответственность за состояние отрасли где-то есть и на государстве, но может быть, как раз за то, что оно не применяло жестких мер,

а фактически субсидировало всю промышленность удобрений. Естественно, и на собственниках и управляющем сословии этой отрасли.

Да, она сейчас приходит к своему моменту истины. Но если ничего не изменится и в политике компаний, то это отрасль, которая будет переживать кризис.

Что здесь бы хотел отметить. Есть развилка. Нефтяники, электроэнергетики требуют цен, которые были бы приблизительно на мировом уровне. Напомню, что у нас цены на газ – примерно 70% от европейских. Цены на электроэнергию – 80% от европейских, хотя сейчас уже на уровне Соединенных Штатов.

Для населения и для коммунальных хозяйств существенно ниже, чем в США и Европе. Отсюда сложный баланс, но он поддерживается. В этом плане политика государства направлена на то, чтобы ценовой дисконт сохранить.

Если посмотреть на те тарифные планы, которые есть на три года и на долгосрочный прогноз, то политика регулирования будет выстраиваться таким образом, чтобы этот баланс интересов, некоторый дисконт сохранить до 2020-го года и дальше, хотя это очень непросто.

Если говорить о политике реиндустриализации, она упирается в то, что мы по любому сталкиваемся с тем, что доля нефтегазового комплекса будет падать. В силу того, что объемы нельзя нарастить и в силу того, что мировые цены, допустим, будут относительно стабильные.

Если сейчас нефтегазовый комплекс где-то 20% – 21% ВП, то к 2020-му году, скорее всего, от 15% до 17% .

Если мы возьмем так называемый наукоемкий и инновационный сектор (образование, здравоохранение **в части** фармацевтики, машиностроение, связь, телекоммуникации), то сейчас это где-то максимум 10% ВВП.

На самом деле та политика, которая ... А это не только слова. Это все-таки определенная система мер, программ: программ развития того же авиастроения, фармацевтики. Это деньги, которые за этим стоят. На промышленную политику в целом тратится, может быть, и не так много как хотелось, но это без «оборонки» около 1,2% ВВП. Это значимые ресурсы.

По нашим оценкам и по планам, которые Правительством приняты, к 2020-му году доля торгового сектора дойдет до 14%. Может быть, 16% в оптимистичном варианте. Хотя за эти проценты... Это цифры, но за них

придется побороться. Это и вопрос другого качества управления со стороны государства, но во многом это вопрос другого качества управления со стороны корпораций.

Второй аспект, который я бы хотел выделить. Он не менее важен с точки зрения роста. Это вопрос о том, что у нас, сколько бы мы не спорили о госкапитализме и наших олигархах, политика, которую проводит Правительство, это не только декларация. Она во многом является социально ориентированной. В отличие, допустим, от европейских стран, которые в условиях кризиса шли – как прибалты – на прямое сокращение зарплат бюджетников либо на их урезание.

Мы во время кризиса увеличили и пенсии, и зарплаты бюджетникам. И сейчас осуществляется массированная программа повышения зарплат учителям, врачам.

Но это не только возврат социального долга, потому что он есть. Это один из таких элементов проведения реформирования и преобразования в этих секторах.

По сути дела, один из ключевых вызовов – насколько мы можем в дальнейшем сохранить социальную ориентированность (более того, ее развить), совместив с существенным повышением производительности и эффективности.

Если взять международные официальные показатели производительности, то мы уже уступаем Китаю. Если брать «в лоб», без счета: паритет покупательной способности и наша производительность в автомобилестроении, то примерно в три с лишним раза, а по сравнению с передовыми заводами в 6 раз ниже, чем за рубежом.

В авиастроении даже сравнивать мало смысла, когда мы делаем всего по несколько самолетов в год. По нашим планам, мы должны повысить ее в 3 – 3,5 раза к 2020-му году. Это будет огромный рывок. Но фактически это что означает. Мы не сможем обеспечить социальную ориентированность экономического роста, а тем более решить эти социальные вопросы без существенного рывка в повышении производительности и эффективности труда.

Последний момент. Он, на мой взгляд, очень важен.

В России – что в царские времена, что в советские, что сейчас – многое, если не главное, решается не чисто экономикой (сколько туда тратится денег и темпы роста), а решается доверием.

Доверие – это не только вопрос контрактов, которые любит институциональная экономика. Это доверие к личности. Это касается личности руководителя корпорации, личности руководителя региона, личности руководителя страны.

Если у нас экономика общества будет строиться на этом доверии и на тех ценностях, о которых сегодня в первом заседании пошла речь (**Гжегож Колодко** об этом говорил)... Культура – это тоже доверие. Это смысл работы и смысл того, что человек может себя самореализовать. Тогда у нас будет и реиндустриализация, будет и процветающая страна.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Спасибо, Андрей Николаевич. Вам надо идти на какое-то правительственное мероприятие. Мы понимаем. Спасибо, что пришли и изложили точку зрения Правительства. *(Аплодисменты).* **Василий Александрович,** вот вы руководитель аграрного хозяйства «Галкинское» в Свердловской области. Сейчас прозвучала такая цифра, что у нас сельское хозяйство динамично развивается: по 10% в год. В вашем хозяйстве чувствуется этот рост, забота правительства?

Василий Александрович Мельниченко, директор ООО «Галкинское» Камышловского района Свердловской области:

– Спасибо. Я буду краток. Мы провели буквально позавчера заседание правления своего хозяйства. Конечно, в первую очередь, выразили свое возмущение действиями Европы по Кипру. Похоже, мы сеяться уже не будем через это – некогда будет заниматься. *(Аплодисменты).*

Я так скажу. Мы закончили 2012-й год очень печально.

При неплохой урожайности, при неплохой ценовой, в общем-то, как мы считаем, политике (мы продали картофель по 6 рублей, зерно по 7 рублей – считаем, это хорошим) мы не можем платить заработную плату!

За последние три года электроэнергия выросла в 2,5 раза, дизельное топливо – в 2,5 раза. Это выросло, а цена на сельскохозяйственную продукцию осталась та же, что была в 2009-м году.

Что касается выступления **Клепача** по росту. Возможно, он есть. У нас в районе тоже как бы что-то растет. Открыли 4 детских дома за последние несколько лет. Четыре богадельни – дома престарелых. В прошлый год заложили прекрасную тюрьму на 2000 мест. *(Смех, аплодисменты)*.

У меня времени нет! Не хлопайте!

Построили свинокомплекс «Уральский». Действительно, вроде планируется рост большой. Но мы помним, как строили в 1980-х годах комплексы: ни один из них уже не работает.

Где-то девять сел и деревень попали в экологический коллапс. Жить невозможно! Двести тысяч будущих свиней (сегодня 150 тысяч) сделали жизнь людей невозможной. Очистных сооружений нет и не предвидится! Если построить настоящие очистные сооружения, свинина будет за 300 рублей килограмм.

Нам не везет с этим делом. Я думаю, производство просто сельхозпродукции и развитие сельских территорий – это не одно и то же, хотя при разумной аграрной политике это можно было бы совместить.

Наше хозяйство занимается овощами. Выращиваем мясо. Нас цены устраивали. Как я уже говорил, не устраивают тарифы. Не могу идти в банк – у меня фамилия, видимо, не подходит туда, потому что: что Путин, что Медведев, что Мельниченко приди, никакой кредит тебе не дадут, а тем более льготный.

Не дают кредиты для села. Нечего заложить. У этих кредитов настолько высокий процент, что мы неконкурентоспособны. А вы ж не забывайте – мы вступили в ВТО. Мы вступили в ВТО. Мы, конечно, неконкурентоспособны.

Почему, я бы сказал, мы на этом Форуме сейчас (я в том числе) присутствуем. Что мы хотим.

Хотим, в общем-то, выработать четкую экономическую программу. Может, даже и социальную. Потому что, по большому счету, уровень бреда уже превысил уровень жизни в России, на самом деле. *(Аплодисменты)*.

Почему так говорю. Потому что смотрю телевизор. С одной стороны, вроде что-то изменилось. То все были катания на льду босыми ногами, то потом Боря Моисеев круглые сутки поет. Теперь, правда, нам сериал про невест Сердюкова показывают, что приятно тоже смотреть.

Но что не хотелось бы, чтобы так было. Не хотелось бы, чтобы были такие новости, а они есть: председатель «Россельхозбанка» какого-то районного масштаба Ульяновской области украл 250 миллионов рублей. Банкир, выезжая в Лондон, прихватил на карманные расходы 200 миллиардов рублей. *(Единичные аплодисменты)*. Значит, там – 5 миллиардов. В ЖКХ – 5 миллиардов украли, 7 миллиардов. Трубы не работают, вода не течет.

Нам нужна такая экономика? Нам нужно что-то?

Мы говорили, долго запрягаем свою эту, как его – тройку! Так может, мы не тех лошадей запрягаем в тройку! *(Смех, аплодисменты)*.

Уважаемые участники! На самом деле должны выработать сейчас внятную четкую «дорожную карту», представить ее Правительству нашему, представить Президенту. Попробовать провести с ними совместные обсуждения и принять решение: будем мы сырьевым придатком или каким.

По большому счету, то, что сегодня мы обсуждали на первой сессии, очень большое дело: кризис Европы, кризис всего.

А вы сами-то подумайте, как мне жить там, в деревне, при зарплатах людей 3, 5, 7 тысяч рублей. Вот когда у нас депутаты уже действительно честно возмущаются, что «160 тысяч рублей – маленькая зарплата»! *(Единичные аплодисменты)*. И они правильно говорят! Нам бы тоже хотелось чуть-чуть больше, как бы, да? *(Смех в зале)*.

Вы купили, если пошли в магазин, туфли, и у вас они жмут – вам какое дело до того, что мир широк? *(Смех в зале)*.

Что бы сказал и что хотел. Что могу.

Могу многое. Наше хозяйство. Вот мы построили завод по производству фильтровальных материалов. Мы используем потенциал территории. Мы продаем за рубеж: Литва, Вьетнам, Узбекистан. Мы в 20-ти городах России перегрузили водоканалы на свой материал. Мы бы хотели, чтобы мы производили конкурентоспособную продукцию. И мы умеем производить!

Мы произвели оборудование, которое сегодня продали в Литву. Это по производству пеностеклокерамики.

Владимир Иванович (вот, «РЖД»), мы разработали прекрасный шумопоглощающий материал для производства шумопоглощающих панелей. Пожалуйста – скоростные поезда будем строить. Давайте будем использовать. Давайте будем строить.

Мы умеем работать. Мы знаем, как дома построить, и знаем, как сажать цветы. И знаем, как сады сажать. Мы можем работать.

Но у меня на сегодняшний день в районе как минимум 20 контролирующих организаций (учреждений). При том, что я строю все, что работает, все приходят и, вы знаете, как будто из вредности, как будто в некой инструкции написано, чтобы всем стало хуже! И начинается – 126 тысяч рублей за аттестацию рабочих мест, 200 тысяч туда, 300 тысяч туда. Никакой поддержки развития предпринимательства на селе не существует на сегодняшний день! Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Бурные аплодисменты. Пожалуйста, господин **Панг Сан Йонг**. Коммунистическая партия Китая, Центральный комитет, международный отдел. Вице-президент Центра международной кооперации.

(Выступление господина Панг Сан Йонга, речь на английском языке).

Панг Сан Йонг (продолжает): *(речь на английском языке, 00:00 – 06:01).*

Pang Yong San: I will talk about adjustment in Chinese government and corporate relations. The coalition of China reform in the past 30 years helped to adjust government and corporate relations. But the process is not without us. There are many other worrying difficulties and the problems in the process to commoditize economy - market economy and then national legal system. And the marketing mechanisms require the government to force the market and where is production factors.

The second problem is the remaining influence of the plan economy, which is the only economic pattern in China for a long time. The mentality cause limited ability of the government functions, a life-less economy and the end-prices with the abilities to independent and innovation. Last socialism market economies and we would consolidate the development and the development of the public sector of economy. At the same time China must respect the law of the market economy to provide a fair and a healthy environment for the process of abreaction. In that regards there was no success, successful experiment - China has been pouring this medium for more than 30 years.

The transform government and corporate relation in China reinforced and transformed the governing functions to better accommodate the need of the development of market, of the market economy and end the crisis. And it is a profound change government and the corporate relations to transform government functions, to stimulate administration and delegate more power to end a crisis even on abreacting on boarding. Because government always comes with the remained autonomy China is to deal with that reform and it is the only way for development. And the reform in China bigger, China has inherited a 7-life reform of Parliament institutions since 1982. The number of the institutions and the state council deals with 100 before 1982 to today - 25.

Although actually addressing of what the government should do and not to, it exploring ways to proper handle relations of the government and market and public administration stick to the

separation of parliament functions from end the crisis management and model to build new government and to cover it relations so that government and SOEs found their best coalition in national economy. SOEs reform is core of the transformation of government and corporate national relations. As early stage of reform, the SOEs are actually governments and intention. Government director of the Ministry enterprises part are the part of the operation and personal management. In 1994 China set the goal of youth SOEs reform and building a moral code of the current system. In the 3 years since 1998 China falls up finishes for better reforms state on small and medium-size pricing. And so SOEs had difficulty or close or interrupt.

In 2010 we are removing authorities in government. In 2003 the state-owned SF regions and the administration committee of the state council was far neither. So that institution and the government were the public administrator and of US state-owned access at the same time. And the government functioning with separate from end-price management SOEs to come meet and become competitors with operation, independence and development. And operation improved. A member of the part SOEs become more renowned. Among them 64 from the fortune, 500 in 2012. East fair that SOEs in China are a successful combination of public ownership and private economy. And domination of coalition of SOEs in national economy and their leading role further enhanced. What more. Reinforced in urgent would help, would help the mentality of the economy development through government, encouragement and guidance, development of non-public and the prices. China actively promotes the development of deal provide foreign prices and other forms of non-public economy. Fosters the rural economy and that increased the physical economy.

In December 1992 China proposed the idea of private and foreign economies were dependent on private economy. In September 1997 China nationalized economy is an important part of China's socialist marketing economy. And the government should continue to encourage and guide to development. The statement was included in Constitution amendment maybe in March 1993. That is the comments for the condition of the instants, development and combination of non-public economy.

In 2005 and 2010 the state council applied the guidelines to encourage support and lead the development of private economy and other forms of non-public economy. The private recruit measures to increase efforts in non-public economy and to expand it on field and scope of private investment. China has also enhanced the fiscal support, financial support and formulate more essential policies for non-private economy to create lower green field.

In the past 30 more years since reform and opening out private economy grew from scratch to prominence promoting deeper market reform. Now that mentality of non-private economy is falling released, it has become an important drive for growth of China's economy and the development of the socialist market economy.

Finally, continuing the competitiveness of government and administration and improving government and cooperation relations, first the government for better fulfilled is still the economic regulations. Secondly, the government tried to create a favorable environment of fair competition for end-prices. Last, but not the least, the government has agreed efforts to build a legal system on the regular action according to the law. In 2004 we made agreement the administer lessons law of *08:58. It is a successful practice in building a new government and appropriate relations. And so is orientated government relations and there are no acquisition meeting and administration according to the law and the investment of the new administrating are the basic norms for government.

Thank you!

Перевод

Я буду говорить о регулировании и изменениях в правительстве Китая, о его отношениях с компаниями. В последние 30 лет коалиция китайских реформаторов была достаточно активна и стремилась откорректировать отношения правительства и компаний. Однако этот процесс проходит неравномерно; присутствуют неизбежные трудности и проблемы. Прежде всего необходимо перевести экономику на товарные рельсы, пробудить рыночную экономику. Затем законодательная система страны и рыночные механизмы потребуют от государства поддержки рынка и его структур. Возникает вопрос: где же фактор производства?

Вторая проблема – остаточное влияние плановой экономики, долгое время являвшейся единственной экономической моделью в Китае. Вследствие данного мышления регулирование функций государства было ограничено, а для экономики и предприятий не оставалось возможностей независимости и инноваций. Наконец, потребности социалистической рыночной экономики заставили Китай действительно пойти по пути развития, в частности, развития государственного сектора экономики. Одновременно Китаю приходится соблюдать законы рыночной экономики, чтобы обеспечить справедливость и здоровую среду для предприятий страны. В этом отношении имеются достаточные успехи, позволяющие экспериментировать, и терпение, чтобы сделать выводы. Для Китая данная мотивация существует вот уже более 30 лет.

Далее, что касается перестройки отношений правительства и компаний в Китае. Прежде всего мы перестраиваем функции государства таким образом, чтобы они лучше соответствовали потребностям развития рынка, рыночной экономики и предприятий. В результате произойдут глубинные изменения отношений правительства и компаний, будут перестроены функции правительства, будет оптимизировано управление, и предприятия получат больше полномочий. Происходит своего рода постоянная реакция. Поскольку правительство всегда занимало господствующее положение, в Китае уверены, что реформы и все принимаемые меры – единственный путь развития, и реформы в стране – её главное достижение. С 1982 г. в Китае было проведено семь масштабных реформ государственных институтов. При этом количество учреждений сократилось. До 1982 г. их насчитывалось 100, а в настоящее время – 25.

Впрочем, фактически, я поднимаю вопрос о том, чего должно и чего не должно делать правительство. Следует изучить пути правильного регулирования отношений государства, рынка и общества. Наряду с этим государство отходит от управления предприятиями, и мы стараемся построить новые отношения правительства и компаний таким образом, чтобы и правительство, и государственные компании заняли оптимальное положение в экономике страны. Реформа государственных компаний – основа перестройки отношений правительства и компаний. Как показала данная реформа, государственные компании фактически являются надстройкой, продолжением правительства. В них распоряжается правительство, оно управляет производством, работой предприятий, даже персоналом. В 1994 г. Китай поставил перед собой цель реформировать государственные предприятия и построить современную систему коопераций. За три года с 1998 г. удалось реформировать малые и средние государственные предприятия. При этом ряд испытывавших трудности государственных предприятий закрылись или обанкротились.

В 2010 г. происходит сокращение полномочий правительства. В 2003 г. был основан государственный Комитет по надзору за активами и управлению ими при

Государственном совете. Таким образом, правительственный институт перестал быть общественным управляющим и инвестором государственных активов. Параллельно с отделением функций правительства от управления предприятиями, государственные компании становятся основными конкурентами на рынке. Значительно улучшилась их работа, повысилась независимость, профессиональный уровень, эффективность. Ряд крупных государственных компаний получил мировое признание. Среди них сначала было 14, затем 64 компании, и в 2012 г – 500. Справедливо утверждать, что государственные предприятия Китая – это удачное сочетание государственного владения и рыночной экономики. В то же время главенствующее положение государственных компаний в экономике страны, их ведущая роль становится всё более значительной. Более того, благодаря поддержке и поощрению государства, его указаниям по развитию частных предприятий, укрепляется и повышается мотивация и внутренняя жизнеспособность экономического развития.

Китай активно поддерживает развитие новой политики, предусматривающей компании с иностранным участием, а также другие формы частной экономики, способствует росту городского и сельского хозяйства, что увеличивает физический сектор.

В декабре 1992 г. в Китае была предложена новая политика, согласно которой частные и иностранные компании играли второстепенную роль по отношению к государственной экономике. В сентябре 1997 г. Китай признал, что частная экономика является важным компонентом социалистической рыночной экономики страны, и правительству следует продолжать поддерживать частные компании и направлять их по пути успешного развития. Положение об этом в четкой форме включено в поправку к Конституции от марта 1993 г., в которой пересмотрены задачи государственной поддержки, правовые аспекты, а также развитие совместных и частных предприятий.

В 2005 г. и 2010 г. государственный совет принял ряд директив, стимулирующих, поддерживающих и направляющих развитие частного сектора экономики и других форм негосударственной экономики. Среди них, в том числе, предусмотрены меры по повышению рыночных активов негосударственного сектора, привлечению независимых и частных инвестиций. Также в Китае расширили материальную и финансовую поддержку и сформулировали большую часть официальной политики относительно частных компаний и создания совершенно новых предприятий.

За последние 30 или более лет со времени проведения реформ и открытия экономики частный сектор успел подняться с нуля до высоких позиций, способствуя углублению реформирования экономики, ориентированного на рынок. Сегодня не будет преувеличением сказать, что жизнеспособность негосударственных компаний стала важным фактором роста народного хозяйства страны и развития социалистической рыночной экономики в Китае.

В заключение я остановлюсь на повышении конкурентоспособности структур управления государством и улучшении отношений правительства и компаний. Во-первых, правительство стало лучше выполнять свои обязанности по регулированию экономики. Во-вторых, правительство стремится создать среду, благоприятную для честной конкуренции предприятий. И последний, но не менее важный момент, правительство предприняло огромные усилия по созданию законодательной системы и регулированию действий правительства согласно закону. В 2004 г. Всекитайским собранием народных представителей был принят Административный закон о лицензировании. Он успешно применяется на практике при создании новых отношений правительства и компаний. Кроме того, ориентация правительства на демократическое принятие решений для

страны и управление согласно закону, усиление административного контроля стали основными законами для правительства.

Благодарю вас.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Спасибо. У нас остался еще один докладчик – Иван Валентинович Стариков. Пожалуйста.

Иван Валентинович Стариков, профессор РАНХиГС:

– Спасибо, Константин Анатольевич. Дорогие друзья! Очень интересная дискуссия на первом пленарном заседании, на втором была. 31-го января этого года состоялось расширенное заседание Правительства, которое я бы, на самом деле, назвал историческим. Премьер **Дмитрий Анатольевич Медведев** требовал 5% роста ВВП (они жизненно важны и необходимы для России), а министры финансового блока всячески упирались и говорили «никак не возможно, потому что существуют инфраструктурные ограничения».

Мне кажется, что они действительно существуют, но самая большая проблема, более страшная – это инфраструктурное ограничение мозга. *(Смех в зале, аплодисменты).*

Дело в том, что традиционно либералов считают достаточно образованным классом. Большинство из них наверняка знакомы с теорией историко-цивилизационного развития **Арнольда Тойнби**. Он говорит о том, что только эффективный ответ на концентрированный исторический вызов позволяет обеспечивать выживание, развитие, процветание любой исторически сложившейся и государственно оформленной цивилизации.

Если по **Тойнби**, давайте попробуем. Какие же вызовы стоят в начале XXI века перед Россией.

Мы с вами наблюдаем эрозию центральной власти на значительной части территории страны, так называемого «евразийского heartland'a» по **Маккиндеру**.

- Мы видим, что формируются новые центры влияния.
- На востоке страны формируется комплекс колоний.
- Чудовищный разрыв в развитии регионов.
- Новые центры притяжения, соответственно, Китая, Япония, Корея на востоке, а Закавказье, Кавказ – это Турция и Арабский мир.

Мы видим, что дальнейшее формирование и закрепление архаичной стратегически бесперспективной сырьевой модели привело к ее полному исчерпанию.

Я приведу только две цифры.

Специально беру 2007-й год, когда экономика при средней цене **67** долларов за баррель выросла почти на 8%.

В прошлом году при цене **109** долларов за баррель выросла чуть больше 3%. (**Клепач** ушел – подтвердил бы).

Первые два месяца 2013-го года при средней цене **113** долларов за баррель минус 0,3% ВВП. Это говорит о том, что всё: надеяться дальше на рост экономики за счет углеводородного сырья не приходится.

Вы понимаете, классики ведь были правы. Помимо экономической модели, исчерпалась и политическая.

Помните, «экономика – сконцентрированное выражение политики» и наоборот.

Обратите внимание. В том же 2007-м году ведь платили взятки за то, чтобы выдвинуться от «Единой России». Сейчас, кто хочет – соискатель губернаторского или мэрского поста – это ведь тщательно скрывают.

Исчерпанность экономической модели привела к исчерпанности и политической модели.

Ральф Эмерсон сказал: «Мир открывает свои дороги тому, кто знает, куда идти».

Куда идти России, если она заблудилась? Давайте посмотрим.

Есть несколько стран с большой территорией. Например, Канада или Австралия. Но только Россия уникально расположилась между Восточной Азией и Европой своими тринадцатью или семнадцатью миллионами квадратных километров и девятью часовыми поясами.

Сегодня в Восточной Азии, начиная с середины прошлого века (послевоенное восстановление Японии, потом Юго-Восточная Азия (**неразборчиво, 09:37**), потом приход Ден Сяопина в Китае), сформировалась мировая сборочная фабрика. А с этой стороны – 800 миллионов достаточно обеспеченных потребителей.

В прошлом году по маршруту Юго-Восточная Азия – Европа проследовало порядка 40 миллионов контейнеров, из них 50 тысяч по Транссибу – остальное морем – мимо России.

Сектор морских перевозок за эти 30 – 40 лет претерпел кардинальные изменения. Посмотрите, средняя вместимость судна-контейнеровоза лет 30 – 40 назад – не более 1 тысячи контейнеров. Сейчас порядка 50-ти судов строится: 12 – 15 – 17 тысяч.

Самый короткий путь – Суэцкий канал, но там возможности уже исчерпаны. Но это 40 – 45 дней. Значительная часть пошла вокруг Африки – это 75 – 80 дней.

Но ведь фактор времени становится ключевым в XXI веке. Если какой-либо электронный гаджет где-нибудь в Сингапуре и в Гонконге сделан, если он через три месяца приплывет – за это время появляется новый. Поэтому единственный монополющий, но крайне плохо используемый ресурс России – это ее территория.

(Демонстрация слайда).

Вот на этой карте вам представлен, по сути дела, «позвоночник мира». Мы сделали это проект. Два варианта. Либо мы договариваемся с Северной Кореей от Кусана до Роттердама: 12 тысяч километров нового, если хотите, Транссиба или Евразийской дороги.

Что это означает. Там точки такие, черные пятна – это мегарегионы, где будет происходить формирование новых городов, новая индустриализация, урбанизация страны.

Послушайте. У нас по отчету до 2017-го года 25 миллионов квадратных метров жилья будет введено на территории Московской агломерации. Сюда еще как минимум полтора миллиона человек прибудет. Нужно создавать условия, центры для притяжения товаров, капиталов, услуг в других регионах России.

Нам необходимо вот эту рассыпающуюся бочку России стянуть стальным обручем.

Строительство новой магистрали. Что это означает. Это шесть миллионов новых рабочих мест. Это новые технологии. Если хотите, это новые Ялтинские соглашения.

Ведь мы проиграли «холодную войну», и четверть века русская цивилизация живет в комплексе национального поражения, углубляющейся депрессии.

Мы должны предложить и стране, и миру сплывающий проект, который бы не говорил в военной риторике. *(Краткие аплодисменты).*

Слушайте. Гонка вооружений похоронила Советский Союз, поставила точку в истории России. Нужен абсолютно новый проект.

Наконец, в 2008-м году **Пол Кругман** получил Нобелевскую премию (в том самом кризисном году) за свою работу «**Пространственная экономика**». Я беру его к себе в союзники. Потому что ровным счетом основные положения этой теории исходят из того, чтобы быстро изменить сырьевую модель на другую – в данном случае отчасти и транзитную.

(Демонстрация слайда).

Вот **Клепач** говорил про экспорт зерна. У нас вот отсюда (Новосибирская область, Алтайский край, Казахстан, Южный Урал) – потенциал там, на востоке, 50 миллионов тонн. Но для этого нужно решить вопрос перевозки зерна на 4,5 – 5 тысяч километров.

Прецедентов ведь нет в мире. Новые вагоны-хоппры потребуют 120-ти кубовые **укрепления** мостовых переходов по всему Транссибу, а она исчерпана.

Вот Владимир Иванович ушел, он в сентябре прошлого года в Улан-Удэ сказал, что «все, 120 миллионов тонн – Транссиб больше не может перевезти».

Поэтому у нас нет другой альтернативы.

Дмитрий Анатольевич Медведев говорил четыре «И»: Институты, Инфраструктура, Инвестиции и Инновации. Послушайте, все четыре «И» здесь есть. Без кардинального улучшения институтов, какой сумасшедший на вашу территорию отдаст грузы при таком суде, при такой таможне, при такой полиции. Поэтому такой проект потребует кардинального улучшения институтов.

Наконец, последнее, дорогие мои друзья.

С точки зрения рафинированных экономистов скопидомского подхода, строительство Транссиба было абсолютно неоправданным. Там вообще жила небольшая часть населения. Но ее строили. В это время прошла первая революция, мы проиграли Японскую войну, у нас **(удалась, 00:42)** Первая мировая война. Но это не повергло русскую нацию и русский народ в стояние депрессии. По 300 – 400 километров кайлом, лопатой – и сложнейшие инженерные задачи решали. Мы, тем не менее, построили.

Сейчас запущен обратный отсчет. «Столько дней осталось до Олимпиады», «Столько до Универсиады», «Столько – до мундиаля» (футбольного чемпионата).

Я предлагаю сегодня здесь, в этом зале, обращаясь к вам, запустить обратный отсчет, потому что осталось, на самом деле, 942 дня до 18-го октября 2016-го года, когда было открыто сквозное движение по Транссибу сто лет назад – и в 2016-м году объявить, что такой национальный проект Россия начинает реализовывать.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Спасибо. Доклады закончились, можно обсуждать сказанное. Если у участников дискуссии есть какие-то вопросы друг к другу, пожалуйста, задавайте. У меня первый вопрос такой. Я к **Сергею Юрьевичу** хотел бы адресовать.

Господин **Клепач** сегодня изложил позицию Правительства. Ну, посмотрите, у нас развивается динамично сельское хозяйство, у нас все хорошо в финансовой сфере. У нас в целом экономика развивается гораздо быстрее, чем экономика других стран (практически всех). Вообще менять что-то в экономической политике – это вредное дело, и ведет к какой-то нестабильности.

Я послушал – вроде, все убедительно.

С другой стороны, я вспоминаю, что у меня происходит на работе. Сельское хозяйство стагнирует. Объемы производства в сельском хозяйстве (опять же говорил сегодня) на 30% меньше, чем в 1990-м году. Во всем мире, в развивающихся странах особенно, объемы производства в сельском хозяйстве выросли в два раза. Эта тенденция продолжается, мы ее видим на глазах.

Четыре года назад мы производили 8,5 тысяч комбайнов (Россия производила) – сейчас в два раза меньше. Хотя во всем мире опять же рост идет.

Каждый год рынок сельхозмашин в Северной Америке растет на 15% – у нас падает примерно теми же темпами. Выгоднее вкладывать деньги в за границу, чем вкладывать в производство в России.

У меня какой-то разрыв шаблона. Правительство говорит «все хорошо», на практике я вижу совсем другие вещи.

Вот вы говорите, что новая индустриализация – это всем очевидно.

«Президент поставил такую цель, и мы ее выполняем». Так есть такая цель, нет такой цели? Будем менять политику, не будем менять политику?

Сергей Глазьев(?): Я не интерпретировал бы так выступление Андрея Николаевича Клепача, что ничего менять не стоит. На самом деле, очевидно, что существует разрыв между целеполаганием и инструментами реализации этих цели.

Если говорить, скажем, о бюджетной политике Правительства, мы там можем увидеть те цели, о которых сегодня говорили и по которым хотелось бы продвинуться.

Есть и механизмы кредитования, поддержки лизинга сельхозтехники, есть институты развития, есть специализированный «Россельхозбанк», есть Банк развития, есть венчурная компания. Весь джентльменский набор всевозможных институтов, которые призваны поддерживать переход на инновационный путь развития.

Но вместе с тем вы их не замечаете. Масштаб их деятельности настолько мал, что даже вы, крупнейший производитель сельхозтехники, их не видите. Что из этого следует.

Из этого следует простой вывод: политике недостает системности. Есть цели, но нет четкой системы мер по реализации этих целей. Если в бюджете еще как-то мы можем их увидеть, то в денежно-кредитной политике вообще полный отрыв. Денежно-кредитная политика ведется по-прежнему вне целей экономического роста, модернизации и развития.

По-прежнему Центральный Банк, ссылаясь на закон, который определяет условия его деятельности, говорит о том, что «это вообще не наш вопрос – организация кредита». И вообще кредитная политика, с их точки зрения, только регулирование денежной массы и поддержка ликвидности банковской системы. А долгосрочные кредиты, длинные деньги – это, мол, пусть рынок сам все сформирует.

Лет через сто, может быть, сам по себе рынок что-то сформирует. Скорее всего, за счет импорта этих институтов, а не за счет своих источников.

Самый главный, на самом деле, механизм поддержки экономического роста (использование государственной монополии на деньги, на организацию кредита) не работает.

Более того. Можно сказать, что денежно-кредитная политика все эти годы работала на торможение экономического роста. Потому что денежные власти изымали денег из экономики больше, чем давали. У нас экономика сама генерировала больше денег за счет экспорта энергоресурсов, чем оставалось в денежной системе, которая была подвергнута стерилизации.

Известно, что такое стерилизация, с точки зрения медицины – это лишение организма способности к воспроизводству. Стерилизация денег – это, собственно говоря, ликвидация способности экономики к развитию.

Соответственно, бюджетное правило, о котором я упомянул. Если мы ставим задачу развития – значит, нам нужно бюджет развить, нужны мощные инвестиции в развитие инфраструктуры, в модернизацию тех сфер хозяйственной деятельности, где частный капитал по объективным причинам не в состоянии справиться с решением тех задач или не заинтересован в их решении. Для этого сразу после дефолта 1998-го года был введен в действие бюджет развития.

Идея была в том, чтобы сверхприбыли от экспорта нефти и газа через бюджет развития вкладывать в подъем экономики, в модернизацию инфраструктуры, прежде всего.

Будут сверхприбыли – значит, будет много инвестиций. Меньше будет сверхприбылей – будем привлекать какие-то еще источники. Вместо этого введено бюджетное правило, по которому до 7%...

Это же астрономические суммы! Мы могли бы поднять уровень инвестиционной (неразборчиво, 07:00) в полтора раза, если бы нефтедоллары не замораживали и не направляли бы их на поддержку иностранных финансовых пузырей, а направляли бы в развитие.

В полтора раза бы подняли уровень инвестиций в экономику и вышли бы на ту цель, о которой Президент говорит! Он поставил цель выйти на норму накопления 27%. У нас сбережения позволяют выйти на эту норму накопления.

Третье.

Налогово-бюджетная политика тоже не соответствует. Я уже не говорю о том, что главное бремя налогов перекладывается на создание стоимости, а не на ренту, что было бы логичнее.

Вопросы ценообразования.

Мы говорим о том, что нужно поднимать обрабатывающую промышленность, а естественные монополии реализуют задачу выхода на равнодоходные цены внутри и во вне. С их точки зрения, экспортные и внутренние цены должны выровняться. Но это же абсурдная постановка! С какой стати они вообще должны выровняться. Тут никакой логики.

Вместо того, чтобы заниматься регулированием естественных монополий, обеспечением их прозрачности и повышением эффективности, созданием

благоприятных ценовых пропорций, наше государство, по сути дела, потекает такой погоне за сверхприбылями и бесхозяйственности, которая царит в этом секторе.

Беда в том, что по ключевым направлениям экономической политики (денежно-кредитная, налогово-бюджетная, ценообразование) у нас нет связующих механизмов между целями модернизации развития и инструментами экономической политики.

Вот, мне кажется, в этом главная беда.

Главная причина теоретическая (у нас все-таки форум научно-практический) заключается в том, что те наши коллеги, которые эту политику оправдывают, пропагандируют и разрабатывают, они в действительности руководствуются некими мифологемами, схоластическим подходом, который абсолютно не отвечает реальной действительности.

Я извиняюсь, должен был приветствовать Экономический форум, в начале не смог – вот я хочу воспользоваться возможностью и поприветствовать участников Форума. Мне кажется, очень хорошее начинание. Мы ждем от того, что эти дискуссии, которые здесь пройдут... Я посмотрел список круглых столов – практически все ключевые проблемы в повестке дня. В результате этих дискуссий рождаются рекомендации, которые я в частности готов поддерживать и продвигать вместе с вами. Спасибо.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: Вы сказали, что денежно-кредитная и вся финансовая политика нуждается в изменении. Но недавно же была рекомендована **Эльвира Набиуллина** на пост главы Центробанка, и она сказала, что политика будет продолжена. То есть нам остается ждать, пока на нас не озарение низойдет, что ли. Или будет новая глава Центробанка?

Сергей Глазьев(?): Я думаю, что лучше всего было бы ее пригласить.

Константин Бабкин: Приглашали.

Сергей Юрьевич: Дело в том, что политика не стоит на месте, она меняется. Если раньше политика денежная следовала принципу **(неразборчиво, 09:56)** (деньги давали только под рост валютных резервов), то сейчас уже 70% денег дается под рефинансирование коммерческих банков. Но это рефинансирование сводится к спекулятивным операциям (однодневному, недельным) для поддержки ликвидности.

Тем не менее, это уже некоторый сдвиг.

Я в составе Национального банковского совета работаю с коллегами. Могу сказать, что у нас очень жесткие дискуссии идут в Национальном банковском совете Центрального Банка. Если говорить о позиции моей коллеги Эльвиры Сахипзадовны, она поддерживает, в общем-то, все те идеи, которые связаны с созданием механизмов длинных денег и рефинансирования. Другое дело, что пока нет возможности с ней подискутировать на эту тему.

Константин Бабкин: Понятно. Понятно. Есть вопросы? Пожалуйста.

Мужской голос: Не столько вопрос, сколько я добавлю к этому. Я думаю, что мало кто читал, а может быть, даже знает пример Исландии. Там был жесточайший кризис. Как вы знаете и помните, просила Исландия денег у всех. Потом народ собрался, сделали анализ и решили, что все-таки банкиры виноваты в этом. Там поменяли Конституцию, передали большинство всего местному самоуправлению (чего в России, к сожалению, нет). Банкиры быстро удрали, кого не успели арестовать, из страны. 4 миллиарда якобы Исландия должна кому-то была. Исландия не признала эти долги, сказала «вот они, воры, украли – с них и берите» и никому ничего не отдала. И так она вышла из кризиса. Нормально вышла.

(Аплодисменты).

Константин Бабкин: **(Неразборчиво, 11:42)** по итогам долгих обсуждений ситуации с Кипром, да? Понятно. Попозже, попозже. У вас нет вопросов?

Мужской голос: Я хотел бы к представителям реального сектора (производители удобрений, перевозчики, представители аграрного сектора), и вам тоже. Особенно производителям удобрений. У нас страна вступила в ВТО. Говорили, что нам важны внешние рынки, мы сейчас станем частью мировой экономики. Вопрос такой. Больше вы стали продавать удобрений на внешних рынках? Получили ли вы преимущество после вступления России в ВТО?

Дмитрий Стрежнев(?): Вопрос ВТО. У нас есть два рынка: внешний и внутренний. На внешнем рынке ничего не произошло, потому что это не регулируется правилами ВТО, это открытый рынок, и против нас борются не совсем корректными методами. Например, когда россияне что-то продают в Америку, Минторг США применяет, с точки зрения антидемпинговых мер, методику, противоречащую ВТО. То есть мы отдельно боремся. Нам Министерство экономического развития помогает, поэтому с точки зрения внешнего ничего не поменялось. С точки зрения внутреннего рынка, соответственно, наша сторона имеет большой риск быстрого развала сельского хозяйства. Я так, наверное, скажу про сельское хозяйство, что мы

могли бы, и что у нас есть. Около 60% того, что население платит за еду – это импорт. У нас наши замечательные умные люди развитие сельского хозяйства подразумевают как выращивание зерна и сала. Я надеюсь, что здесь сидящие люди не едят ни зерно, ни сало. Но по телевизору рассказывают, что у нас расцвет сельского хозяйства. Это производство зерна, которое мы продаем в два раза дешевле в Египет, и свиного сала, которое не знаем, куда девать.

При этом, например, наша страна в том году привезла сюда, например, 600 тысяч тонн огурцов (чтобы вы знали). У нас 65% – 70% еды покупается в розничных ценах, то, что люди едят. Люди едят овощи, фрукты, вино пьют, мало оливковое, сливочное. 65% того, что платит население – это за граница. Это первая часть.

Вторая часть при вступлении в ВТО оговорили ограниченный уровень поддержки сельского хозяйства 10 миллиардов долларов, из коих 5 миллиардов – это дурацкая кредитная система, когда мы не считаем разницу в кредитах. Просто мы с нас берем налоги, платим за разницу в кредитах, называем это поддержкой. Это у нас еще плюсом к 10-ти миллиардам, то 5 – 6 – это компенсация процентных ставок, которых, в принципе, ноль. На Западе это считается поддержкой.

Выглядит это так. Например, в среднем в Европе на один гектар поддержки 400 евро на гектар. У нас сейчас размышляют – 120 рублей или 130. Плюсом у нас свет дороже, бензин – дороже, транспорт – катастрофа. Как это будет выглядеть... Нам повезло, у нас предприятие находится Краснодар – центральная Россия. Сельское хозяйство более-менее будет на юге России, и в отдельных местах, где это поддерживается (у нас удивительное место есть – белгородское), во всех местах. У остальных есть высокий риск. Просто и этого больше не увидеть.

Поэтому ВТО по нам может косвенно ударить как в виде развала сельского хозяйства и потери рынка. Соответственно, отрасль у нас... Есть успешная экспортная модель бизнеса. Что такое успешный экспортер. Нет ни одного успешного экспортера, у которого нет хорошего внутреннего рынка. Мы, люди, которые здесь будут что-то делать для сельского хозяйства во Франции, мы, в принципе, на одной ноге, в результате тоже не сильно хорошо будем стоять. Плюс к нам еще...

Почему-то у нас думают, что у нас газ дешевый. Например, что говорит Правительство, я тоже отвечаю. У нас Правительство думает, что у нас дешевый газ – 130 долларов. Докладываю. Газ дороже только в двух странах

– Китай с Японией (потому что они покупают), и в Европе. В США, Африке, Австралии, Канаде – везде дешевле. Это 75% мирового рынка природного газа. У нас, типа, дешево. Но 75% газа в мире дешево.

Транспорт у нас – в полтора-два раза дороже, чем в Казахстане. Газопроводы – была построена великолепная система. Транспорт газа на 20% сейчас дороже перед повышением, чем в Америке – 2,2 доллара за 100 километров (в Америке сейчас 1,9). Это не проблема, у нас все отлично, у нас все дешево. Люди, которые так размышляют – не знаю, что с ними делать. Я могу только повторить. Все же ездят за границу. Знаете, кто, сколько платит, люди.

Например, фермер. У нас есть оптовый рынок электроэнергии, 5 центов киловатт. Среднее хозяйство – 15 центов киловатт. В Америке – 4. Понимаете? Колхозник платит 15 центов за киловатт. У нас 10 лет рынка электроэнергии. В Америке платят 5. Поговорить не с кем. Если ты в три раза больше платишь там, где плохой климат, говорят: «Неэффективный», типа, дурачок. *(Смех в зале, аплодисменты)*. Понимаете? И поговорить не с кем. Вот где проблема.

Хотя наша страна имеет самые большие в мире запасы самого дешевого природного газа – 5 долларов на скважине, и транспорт был до реформ «Газпрома» дешевле, чем в Америке. Сейчас уже на 25% дороже. Опять не с кем поговорить. Все заняты чем-то другим. Как делать бизнес? Ответ: никак. Получать деньги из бюджета на всю глупость. Не хватит. Хватит на Москву, Кольцевую дорогу. По дороге ловить будут скоро. Понимаете? В России 150 миллионов людей – они так не могут. Выгодно отсюда уехать. К нам еще едут люди с низкими зарплатами из Средней Азии, где просто катастрофа. Мы с кем соревнуемся – с Узбекистаном или все-таки со Словакией? Поговорить не с кем. *(Аплодисменты)*.

Самое страшное. Нет такой проблемы, конкурентоспособность ни в чем, а убивает сельское хозяйство и...

Последнее, скажу про кадры, извините. А в это время... Все знают, что «кадры решают все». Цитирую... Не это министерство сельского хозяйства. Цитирую. Человека назначили в министерство сельского хозяйства работать три года назад. Он поработал два месяца и сказал следующие слова: «На второй месяц работы я понял, что единственный человек с высшим сельхозобразованием в министерстве – это я. И я занимаюсь лесной отраслью». *(Смех в зале, аплодисменты)*. Занавес, все.

Все всё соображают, специалистов нет, отлично. За границу ездят, не знают, для чего, на форумы. Что, где стоит, не знают. Поговорить не с кем. Расцвет... Спасибо. (*Аплодисменты*).

Иван Валентинович Стариков, профессор Академии РАНХиГС:

– Я очень коротко. Чтобы закончить с темой своего доклада. Этот проект готов. Мы пытались его представить на саммит АТЭС остров Русский. К сожалению, не включили в повестку дня стоимость. Там два варианта – от Кусана до Роттердама. Если не договариваемся с Северной Кореей, то от Посьета (это около Владивостока). 220 – 250 миллиардов долларов, 9 тысяч километров. Вполне подъемные деньги, если создавать международный консорциум. Мы в Сочи уже 50 миллиардов закопали, на всякий случай. Это чтобы с первой темой закончить.

Со второй – очень коротко. Понимаете, у нас тут с Константином Анатольевичем есть дискуссия насчет ВТО. Давайте так. Россия была единственной экономикой, последней, которая не была в ВТО. На самом деле, мы 18 лет вступали. Проблема, мне кажется, не столько в ВТО, сколько в фатальном несоответствии нынешнего российского государства требованиям ВТО.

Там есть такая вещь, то, что относится к «зеленой корзине» и поддержке сельского хозяйства – увеличение внутреннего спроса. Мы 18 лет вступали, и сейчас в «пожарном порядке», что называется, «хватай чемоданы, вокзал уходит», пытаются сделать дорожную карту «зеленой корзины». Что я имею в виду – повышение внутреннего спроса.

Я называю цифры. 32 миллиона граждан в России – это декретированный контингент. Школы, больницы, детские дошкольные учреждения. 11 миллионов тонн продовольствия на 640 миллиардов рублей. Вот, коллега правильно сказал: нам всего 9 разрешено, годовая поддержка сектора. Так вот, мы 22 можем тратить, ни с кем не согласуя, потому что «зеленая корзина» без ограничений.

Если вы все сюда добавите пенитенциарную систему, рост госрезервов, добавьте сюда, в конце концов, Министерство обороны, то получите порядка 35% – 40% внутреннего производства можно убирать с рынка. Но для этого нужно одну вещь принять: делегировать полномочия регионам, субъектам Российской Федерации, муниципалитетам, отраслевым профессиональными союзам. Вот, Бабкин возглавляет Союз машиностроителей. Но он лучше бы

отрегулировал эти направления, как и другие отраслевые союзы. Но для этого нужно принять политическое решение.

Мы яростно последние десять лет строили вертикаль власти. Сейчас пришло время ее разобрать на запчасти, потому что не соответствует, архаично не успевает за всем. Дальше управлять страной в ручном режиме нельзя, делегировать полномочия вниз, и тогда не столь будут фатальны последствия спустя полгода вступления в ВТО.

По свиноводству. Я вам гарантирую, что если не будут в ближайшее время приняты меры... 250 миллиардов полновесных бюджетных рублей было потрачено по приоритетному национальному проекту – развитие сельского хозяйства на поддержку (когда у нас «тучные годы» были, помните, Медведев возглавлял) промышленного свиноводства. Если мы не решим вопрос, то к концу года 150 миллиардов будут потеряны, потому что сброс поголовья начался на фоне роста цен на зерно. Спасибо. *(Аплодисменты)*.

Константин Бабкин: Уважаемые друзья. Наше время дискуссии подошло к концу. Задавайте вопросы.

Анатолий Дмитриевский: Я прошу извинить меня за настойчивость. Я – директор Института проблем нефти и газа Российской академии наук. Хочу сказать, что для того, чтобы реализовать все то, о чем сегодня говорили, нужны деньги. «Где деньги, Зин?». Если вы знаете эту цифру, может быть, нет. С начала этого века нефтяники и газовики дали за счет экспорта нефти, газа, нефтепродуктов 2,5 триллиона долларов. Наши соседи все вокруг, кроме стран Ближнего и Среднего Востока, Мексики, Норвегии, не имеют такой подпитки. Наоборот, все покупают нефть и газ.

Я хочу сказать, где деньги. Мы готовы еще эти 2,5 триллиона дать, и в более короткое время. Но хочу сказать, что инновационные процессы в стране должны развиваться. Нефтяная отрасль готова поддерживать их. Если мы не перейдем на инновационные рельсы, то к 2020-му году будет падение добычи нефти на 40 – 50 миллионов, и мы закроем все инновационные процессы, нано-биотехнологии, социальные программы, инфраструктуры и так далее.

Что надо делать. Нефтяная отрасль более чем...

Константин Бабкин: Только вопросы, пожалуйста.

Анатолий Дмитриевский: Нет-нет. Два слова. ...готова к инновационным процессам. Эти инновационные процессы должны быть реализованы. В этом случае мы получим деньги на все остальные отрасли экономики России.

Константин Бабкин: Хорошо. Спасибо большое. Уважаемые друзья. Спасибо за интересную дискуссию.